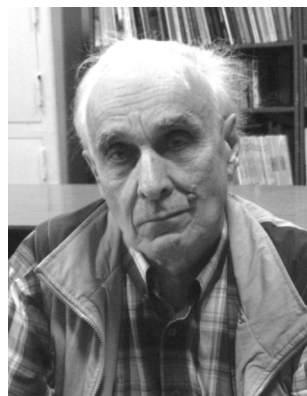

Игры с вечностью

Вадим МИХАНОВСКИЙ

«КОЛДУНЬЯ ЭСТРАДЫ»

Сибирские этюды

С добром и злом

«Не в силе добро, а добро в силе»
(Зенон, древнегреческий философ)

ПРОЛОГ

... Стрелка часов словно застыла на цифре 8. Стефания Семполовская, уполномоченный Польского Красного Креста, знала, что руководителя этой всесильной организации можно заставить на работе только в ранний утренний час. Она украдкой сверилась со своим брегетом, не доверяя громоздким напольным часам в приёмной: всё правильно, ровно восемь!

Ей было забавно наблюдать, как этот дюжий молодец в чёрной кожаной куртке заносит свой заскорузлый палец, нависая над клавишами машинки: прицелится – ткнёт пальцем в кружок с буквой, потом пошевелит губами, читая написанное, снова прицелится, по-смешному останавливая занесённый палец у правого виска... Неслышно переступивший порог приёмной Дзержинский, глядя на подчинённого, усмехнулся: «Нечипоренко, ты что, стреляться собрался?». Улыбну-

лась и Семполовская. Вошедший подошёл и склонился к её руке, пригласив женщину в кабинет.

Нечипоренко как ошпаренный выскочил из приёмной и, поймав за руку сослуживца, проходившего мимо, удивлённо выпалил: «Он же ей руку целовал!»

– Кто, Дзержинский? – не удивился тот. – Ему можно.

– Так ведь, не наша она!

– А кто тебе сказал, что не наша? Она, может быть, наш агент.

– Агент? В буржуйской шляпке? – Нечипоренко открыл рот от изумления.

– Форточку-то захлопни, простудишься! – Засмеялся тот и пошёл дальше по коридору...

Этого простодушного парня, недавно пришедшего на службу в чека, можно было понять. Идёт гражданская война. Добровольческая армия Деникина только-только откатилась от Москвы. С запада напирает Пилсудский. В коридорах ВЧК только и разговоров, что о борьбе с «бывшими», с контрреволюцией, саботажем, вредительством на фабриках и заводах, на железной дороге... А в самой Москве идут облавы и аресты. На каждом перекрёстке карикатурные плакаты на

буржуев в котелках и дам с вуалетками, торгующих на Хитровке залежалым барахлом.

Карикатура всегда чувствует себя хорошо на революционной почве: вот оно, толстое брюхо генерала, проткнутое штыком. Это просто и доходчиво! Вот он, помещик, удирающий под ударами навозных вил. А вот он, буржуй на четвереньках, а верхом на нём пролетарий... «Наши буржуи пришли бы в ужас от этого плаката!» – писал в австрийской газете репортёр Эгон Киш.

Плакат – он как термометр происходящего вокруг: Пилсудский вместе с Петлюрой? Вот вам сразу пылающий кровью и огнём, как теперь сказали бы – баннер: «Последний пёс Антанты. Долой шляхту и её приспешников!»...

Пляской жизни и смерти назвал те дни Дзержинский. Нужно ли снова говорить о том, сколько было пролито крови, в том числе и безвинной? Нужно! Но тогда необходимо обязательно вспомнить и о волне бандитизма, захлестнувшего всю страну, о бесчисленных ночных убийствах и грабежах в центре и на юге России, о детской беспризорности, пополнявшей ряды грабителей... «Первый призыв» ВЧК действительно верил вместе со своими руководителем, что принципы справедливости и новые законы новой России возобладают над этим морем крови и грязи. Не получилось сразу, увы! Организованная преступность, действительно, как огня боялась этих первых чекистов. Но ещё больше она боялась своих главарей и их однодельцев, соблюдавших и за решёткой нерушимую преемственность: во всех случаях поступать не по закону, а по понятиям.

Юлиан Семёнов, подаривший нам незабвенного Штирлица, в своём романе «Горение» (о раннем Дзержинском) с удивлением писал, что все зарубежные газеты орали в то время об этой зверской «чека», которая расстреливает грабителей и вооружённых бандитов тут же, на месте, без суда и следствия; арестовывает безвинных

послов Франции и Англии, будто бы уличённых в заговоре против советской России. Но ни одна из этих газет не писала, в каких жутких условиях жила Россия, обложенная со всех сторон чужеземными заговорщиками в лице основных стран мира... «Они не писали о Максиме Горьком, не писали о Чехове, о Станиславском... Глинку замалчивали: пьяница, эмигрант, в Германии... отрунул Русь-матушку»... Но Юлиан Семёнов был уверен, что когда-нибудь найдёт своё место в отсчёте столетий и решительность первых чекистов, заслоняющих в то время страну от великих бед... Фантастические времена, рождают фантастические поступки и легенды, – говорил он, – и это справедливо: они подотчётны самой истории.

...Тем временем Дзержинский у себя в кабинете предложил даме стул с широкой спинкой: «снимать пальто не советую, у нас прохладно... Вы когда приехали?»

– Вчера вечером. Жалею, что разминулась с пани Катериной, – вздохнула Семполовская.

– Пешкова в Сибири. Я ей помог с отдельным вагоном. Ну, а у вас там как дела? Ште Польшка не сгинела?

– Напрасно иронизируете, пан Феликс. В нашем Сейме предложено из этой песни сделать государственный гимн.

– Не удивлюсь! Между прочим, наши самостийники, подражая полякам, уже поют – «Ште не вмерла Украйна!»

– Ще, – поправила Семполовская.

– Что?

– «Ще», – повторила она. От вашего «ште» за версту несёт лехом.

– Да какой я лех! – отмахнулся Дзержинский. – У отца земли было всего четыре волока, а в семье девять человек.

– Четыре – это... – замешкалась гостья.

– Около 20 гектаров, – подсказал он.

– Не густо! – согласилась она. –

Поэтому вы и подались в революционеры. Так?

– От вашего «так», пани Стефания, тоже за версту несёт неисправимым лехом... Но, пше прашам, чем могу служить?

– Пленные! – озабоченно наморщила лоб она. – Вы хоть знаете, сколько сейчас в Польше российских пленных?

– Знаю: около девяноста тысяч. Но наше правительство считает, что вот-вот разразится революция в Германии...

– И вопрос о пленных отпадёт сам собой, – подхватила она. – Сомневаюсь!

– Я тоже, – кивнул Дзержинский. – Но начало всё-таки положено, благодаря вашим совместным усилиям с Пешковой обменены и вернулись домой первые десять тысяч человек...

Екатерина Пешкова

ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С ДЬЯВОЛОМ?

Наверное, автору необходимо вильнуть чуть в сторону и обратиться к проблемам взаимоотношений Польши и России в те времена. В мартовские дни 1918 года Пилсудский во главе нового независимого государства, родившегося в результате ленинского декрета, как и Финляндия, в какой-то мере помог советской власти. На Москву шли дивизии Деникина. А польские войска, оснащённые французским и английским оружием, стояли на потихоньку прихваченных Польшей землях Волыни и Беларуси, и только наблюдали за происходящим. В те дни Пилсудский откровенничал: «Если бы тогда победила белогвардейщина, началась бы реставрация Российской империи. Нам такой поворот событий был бы ни к чему!»

Тут можно понять Пилсудского: пришёл бы конец только что возникшим государственным образованиям от Чёрного моря до Балтии. Польша, в лучшем случае, могла бы воспользоваться лишь этнической границей, а

в худшем – стать какой-нибудь федерацией в имперской России.

– Но это мы уже проходили! – восклицал Пилсудский и, объявив себя «Начальником государства», торжественно предупредил Ленина и Троцкого, что он, бывший подданный России, будет держать нейтралитет, игнорируя давление со стороны Антанты...

Правда, этот «нейтралитет» вылился чуть позже в необъявленную войну... По мысли Ленина, вступление Красной армии в Польшу должно было привести там к установлению советской власти, что вызвало бы революцию в Германии... Этого особенно жаждал Троцкий, которому уже наскучило крутиться между Москвой и Петроградом. Сибирь была занята чехами, на Дальнем Востоке хозяйничали японцы. Все пути для Троцкого восточнее Волги были пока перекрыты... А вот красные стрелы, появившиеся недавно на его картах, заманчиво пронзавшие Восточную Европу, – это было бы куда перспективнее! Так, во всяком случае, думалось Троцкому, ставшему вдруг в революционной России

непререкаемым военным авторитетом. Что ж, мечтать не запретишь...

А в результате всех этих и других невразумительных действий в стычках с Польшей, на её полях были оставлены десятки тысяч пленных. Самые большие потери понесли конармия Будённого на львовском направлении и усиленный пехотными подразделениями Тухачевского конный корпус Гая, которому пришлось бежать из-под самой Варшавы.

Непотребные выражения, звучащие со смешной картавинкой в адрес Троцкого, заставляли бледнеть секретарей – машинисток и без этого много чего услышавших под высокими потолками Кремля. Сам же Троцкий, вернувшийся в Москву, всячески старался избегать встречи с Лениным...

Вот тогда-то и набрал силу Пилсудский в роли отца и спасителя нации! Он больше полугода не шёл ни на какие переговоры с советским правительством, мечтая возродить Речь Посполитую в границах 18 века. А правительство новой России настаивало на переговорах, но при одном условии: освободить захваченные Польшей земли Украины и Белоруссии.

Известна пословица: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!». Так было и с пленными красноармейцами, которые буквально вымирали в польских лагерях. Опылённая недавними успехами шляхта содержала их в нечеловеческих условиях. Об этом говорят многочисленные документы международного Красного Креста и архивы Польши и СССР... В сентябре 1920 года начались, наконец, в Берлине переговоры между представителями Красного Креста Польши и России. Велись они в соответствии с Женевскими соглашениями «относительно облегчения участи жертв войны – гражданских и военных лиц»...

При желании можно во всех подробностях об этом узнать в Интернете. А заодно и уяснить для себя, откуда стали «расти ноги» у Катынской трагедии, споры о которой не прекра-

щаются между Польшей и Россией до сих пор.

Если говорить об исторических ресурсах в сети, то читатель, не посвящённый в подоплёку дела, может впасть, например, в однобокие выводы, ознакомившись с переводом текста из «Encyclopaedia Britannica Online». Здесь, скажем сразу, можно утонуть в массе фактов, обличающих только советскую сторону. А познакомившись с книгой «Катынский лабиринт» Владимира Абарина, начинаешь понимать, что всё в этом деле не так просто... Но и тут ловишь себя на мысли, что путь к правде у спорящих сторон всегда был долгим, прежде чем прийти к согласию.

Напомним всё же, что в смоленском лесу у Катыни были расстреляны, прежде всего, польские офицеры и жандармы, проявившие садизм против советских граждан в 1918–1920 годы. Как следует из советских документов, «рядовые из польского простонародья расстреля в основном избежали»...

Но много это или мало – «в основном»? Здесь стороны расходятся в цифрах и предъявляют друг другу претензии уже три четверти века.

А тут ещё, к сожалению, очередной польский президент решил снова наступить на общие больные мозоли. Политический зуд – не лучший советник в таких делах. Недавно, в очередную годовщину этой трагедии, самолёт президента, как известно, в непогодь, несмотря на предупреждение российских авиадиспетчеров, потерпел аварию. В результате катастрофы вместе с президентом погибли и его сановные спутники... И опять начались споры на тему «кто виноват?»...

Признаться, у автора этих строк течёт в жилах и толика польской крови. Автор иногда болезненно воспринимает бездоказательные выпады в адрес польского народа. Мне, например, всегда не по душе было читать высказывание Энгельса о том, что «...поляки, кроме задорных глупостей, ничего в истории не сделали»... Что

ж, вспомним, что и Маркс вместе с Гегелем отказывали половине славянства в будущем. А это значит – и полякам тоже. В этой связи я всегда вспоминаю Александра Дюма, который сравнивал историю с гвоздиком, на который при желании можно повесить всё что угодно... Ладно, не будем так уж строги к основоположникам коммунизма: на зтот гвоздик они успели много чего лишнего повешать.

Да, это было время, как сказали бы сейчас, добра и безудержного зла в одном сосуде, наполненном до краёв жестокостью и нежностью, остервенением и душевностью, невежеством и равнодушием на фоне целых пластов населения, враждующих с себе подобными. И это могло происходить только в большом людском сообществе, каким была Российская империя в период своего послеоктябрьского распада.

Маленьким европейским странам и тем, родившимся после Октября, подобный апокалипсис, испытанный Россией, не грозил. На то они и маленькие: выживут, выплывут, выгребут!.. А вот как быть с большой страной, с её геополитическим мышлением, раскинувшейся между двумя океанами и ещё одним у своего изголовья? И как навести на этих огромных просторах мало-мальский порядок, который и прежде-то оканчивался за пригородными заставами обеих столиц? И где ещё, в каком государстве могли сегодня любить, а завтра, в одночасье, ненавидеть монаршую волю, восстать и низвергнуть в тартарары всё, что создавалось народом веками?

...Идёт зима 1919 года. Екатерина Павловна Пешкова, венчанная супруга и первая жена пролетарского писателя, живущего сейчас в тёплой Италии, согнувшись от тяжести, с нагруженными до краёв широкими санками пробирается по заснеженным улицам к тюрьмам. Этих заведений в Москве много – Лубянская, Бутырская, Новинская женская, Таганская мужская.

Вдвоём со своим заместителем по

Красному Кресту, адвокатом Михаилом Винавером, развозят они немудрёную помощь с продуктами, одеждой, книгами. В бюро уполномоченного Красного Креста по России числится всего три сотрудника. Это только в 1921 году организация расширится. Но и работы прибавится!

Отметим, что все служащие бюро к тому времени утверждались особым отделом ВЧК, получали одинаковую зарплату и обязательный месячный паёк, который приравнивался к месячной передаче для одного заключённого. А вот уполномоченному бюро и его заместителю пайков не полагалось.

– Мы же с Винавером тягловая сила, – усмехалась Пешкова, – а сенного сарая в бюро не предусмотрено.

Она всегда говорила своим сотрудникам, что кроме долга – понятия в большевистской России несколько размытого, есть ещё такое твёрдое понятие как честь. Вот его никогда нельзя преступать!

Скажем сразу, что её кандидатура в этой международной организации европейских деятелей устраивала, а вот в правительстве новой России у Пешковой находились оппоненты. Да и партийную верхушку настораживало то, что она, бывшая зсерка, ни в каком виде не приемлет власть большевиков. Как и её венчаный супруг, она в разговоре с окружающими произносила холодно: «они»...

С Горьким она рассталась ещё до революции, но всегда относилась к нему уважительно, доброжелательно. Выезжая за границу, виделась с ним в Италии и Швейцарии. А когда писатель вынужден был перебраться в СССР, Екатерина Павловна настояла на том, чтобы их сын Максим жил в её квартире на Машковом переулке (в будущем – улица Чкалова).

Были и другие причины, заставлявшие властные структуры относиться к ней с предубеждением. Но на то они и «структуры», чтобы проводить негласные слежки за людьми из её окружения, которое и так не очень-то

скрывало своё отношение к новым порядкам.

Как ни кажется это странным, но поддержал и настоял на её кандидатуре Дзержинский. Он первым понял, что при нормальных взаимоотношениях с Пешковой, которую в Европе хорошо знали, если она возглавит в России Политический Красный Крест, можно извлечь определённую выгоду и для ВЧК. Надо лишь правильно объяснить ей, что некоторые вопросы, коль ей так и так предстоят поездки за рубеж, должны интересоваться не только её организацию, но и страну, в которой она живёт.

Дзержинский сумел убедить Екатерину Павловну, что лучшего места для её организации, чем в здании ВЧК, ей не сыскать. Тут и охрана грузов, прибывающих из-за кордона и само место, охраняемое круглые сутки... Словом, он предложил Пешковой помещение в здании на Лубянке. Позже, правда, Пешкова переедет почти рядом – на Кузнецкий мост... А сейчас... Сейчас она была ошарашена:

– Вы с ума сошли, Феликс! В самой чека?!

– Это то, что сейчас вам надо! – твёрдо повторил он. – Больше того, я знаю, что у вашей организации временные затруднения с деньгами. Я посоветовался с аппаратом, мы можем выдать займы 5 миллионов рублей.

– Ох, мне бы лучше специально оборудованный и охраняемый вагон для поездок в Сибирь...

– Будет вам и вагон, и охрана будет!

– И ещё, – замаялась Пешкова, – лично мне необходимо удостоверение на русском языке. Моё, на французском, вызывает у комендантов станций лишнюю подозрительность и кучу вопросов.

– Будет и такой документ!

– Вы, Феликс, как святочный дед Мороз! Даже не верится, что всё это будет. А взамен от нас чего потребуете?

– Только одно: сообщать нам о нео-

бычных просьбах и предложениях, с которыми обращаются к вам отдельные лица и организации.

– Понимаю, – кивнула Пешкова, – об отдельных лицах, вызывающих у нас недоверие, я подчёркиваю – у нас! – будем сообщать...

Через два дня в кабинете Дзержинского раздался звонок: «Фэликс, у тебя лишний миллиончик не заваялся?»

Дзержинский усмехнулся: «Я ду- мал, Ёсиф, только у меня хорошие осведомители»... Они давно были со Сталиным на «ты», в отличие от Ленина и Троцкого, с которыми близкие отношения так и не сложились. Дзержинский догадывался, что по меркам обоих он не был интеллигентом. «Недообразование», как однажды выразился Троцкий, мешала многим большевикам, в том числе и Дзержинскому со Сталиным «правильно смотреть на вещи и мыслить категориями»... Об этом, кстати, позже писал Троцкий в своих мемуарах. Что подразумевал он под этой «правильностью смотреть на вещи» – пойдя, разберись!

Но в Кремле уже тогда были убеждены, что в отличие от Троцкого, у Дзержинского имеется уникальный опыт, нажитый в десятилетних ссылках и скитаниях по тюрьмам. Отличаясь исключительной честностью, он даже в заключении умел заставить уважать себя не только уголовников, но и разномастную шпану. При всём этом его непоказная аскетичность в жизни и в быту давала ему лишний повод и в своей работе быть всегда требовательным к подчинённым...

Между прочим, жена его, Софья Сигизмундовна была такой же одержимой в работе и строгой в жизни. Но в отличие от супруга, она постоянно принимала сторону униженных и оскорблённых. Наверное, в этом сказывалось ещё и внутреннее сопротивление всякому давлению, особенно свойственное представителям малых народов, какими чувствовали себя в царской России поляки, литвины, эстонцы, латыши и другие. Они и в тюрьмах,

быстро сближаясь, создавали здесь обособленные коллективы, имели свои «общаки», на которые не покушались даже матёрые уголовники.

...– Но ты, Фэликс, так и не спросил, откуда я знаю про твои миллионы, – продолжал свой разговор Сталин.

– Догадываюсь, усмехнулся Дзержинский, кто-то из моих услужливо шепнул этому стратегу! Он всегда стремится на чужом коне в рай въехать.

– В Писании, Фэликс, сказано: «Не завидуй!»...

– Про коня и Троцкого в Писании ничего не сказано.

– Правильно, там сказано: «...ни вола его, ни осла его...».

– «...ни всего, елико суть у ближнего твоего», – закончил фразу Дзержинский.

– Фэликс, откуда у тебя такие познания в Писании? Я-то ладно, я поп несостоявшийся, а...

– А я ксендзом хотел быть, да тюрьма дорогу перегородила.

– Не знал, не знал. Но к делу, не передашь ли свои миллионы Моссовету?

– Там их в два дня прожрут, товарищ Сталин. И концов не сыщешь!.. Это был их условный сигнал: официальное обращение говорило о том, что в кабинет зашёл посторонний. Сталин молча положил трубку. Но и тогда, и позже, когда он уже в полной мере овладеет ситуацией и придёт к власти, он всегда будет помнить, что в этой организации издавна находится солидный золотой и бриллиантовый репертуар.

Без этого запаса чекисты не могли бы похитить и привезти для допросов в Москву начальника Русской армии генерала Миллера, которому после Врангеля и Кутепова были переданы все полномочия. Тридцатитысячное формирование осталось за рубежом без своего командующего и довольно быстро рассеялось по всей Европе... А известная операция «Трест», требовавшая немалое количество затраченных средств? Об этом хорошо по-

Стефания Семполовская

мнят многочисленные кинозрители по фильмам «Операция «Трест» и «Бег»...

Однажды, пользуясь соседством, Екатерина Пешкова зашла к Дзержинскому и рассказала, что к ней обратился известный венгерский журналист Эгон Эрвин Киш. Он, мол, наслышан о дружбе её с Дзержинским и что тот ведаёт сейчас железнодорожным транспортом, поэтому просит какой-нибудь пропуск для проезда по южным магистралям.

– Почему именно по южным? Вы знакомы с ним?

– Знакома. Он лоялен к нам. И не удержим.

– Ну, раз он такой неистовый, дадим ему пропуск. На целый месяц дадим, но при одном условии: сообщать с каждой узловой станции о количестве вагонов и паровозов, загнанных в тупики.

– Договорились! – вздохнула Пешкова. – Как это у вас называется: «Секретный сотрудник»?

– Не продолжайте, Екатерина Павловна, ради Бога! Это очень важно для меня. И в ваших поездках по Сибири прошу учесть мою просьбу...

И действительно, неистовый журналист Эгон Киш уже через неделю с

небольшим сообщил с пограничной узловой станции: «В-94, П-31». Это значило, что в длительном отстое на запасных путях стоят столько-то вагонов и паровозов... А из Нарынкола (окрестности Дербента) на Каспии, он протелеграфировал открытым текстом: «Остров забытых вагонов».

Незадолго до кончины Держинского, ему из Венгрии пришла бандероль. На обложке, пахнувшей свежей краской, стояло имя Эгона Киша и название книги «Цари, попы и большевики». В ней Киш делился с читателями интересной подробностью о том, что в России «между вагонами перекинуты небольшие мостки и их переkreшивающиеся половинки, ритмично ударяясь друг о друга, звучат не так, как в Германии, а сугубо по-русски: «таррара-таррара-бжинт, таррара-таррара-бжинт»...

Держинскому эта тарабарщина понравилась, он иногда спрашивал у Пешковой: «Вы откуда (или куда) таррара – бжинт?».

А у неё на эти «бжинты» ушло добрых полтора десятка лет. Равным образом приходилось ей и её штабу помогать мусульманам и православным, католикам и безбожникам, толстовцам, грузинским меньшевикам, сионистам, участникам красного, белого, зелёного и многих других движений. Дело доходило до смешного: однажды ей лично пришлось заступаться за тех, кто, находясь в застенках, решил, не выходя на работы, отпраздновать юбилей создания РСДРП.

О работе Екатерины Павловны Пешковой и возглавляемой ею организации писать неизменно трудно. Сама Пешкова практически не оставила после себя письменных свидетельств о своей деятельности. Писем вообще много, но в них мало необходимой конкретики на эту тему. Есть воспоминания тех, кому она помогла, но в них содержатся только факты о помощи – из Омска, Новониколаевска, Барнаула, Омска, Читы, Иркутска... Автор этих строк попытался узнать что-либо о работе её визави – Стефании

Семполовской. Но и в польских архивах, тех, что могли быть доступны, почти нет ничего.

Семполовская была старше Пешковой на 7 лет. Кроме того общего дела, которому они обе отдавали себя без остатка в полном смысле этого слова, их другое не связывало, семьями они тоже не были обременены. Хотя, если ворошить отдельные факты, то определённая связь всё же существовала! И та, и другая, скажем так, без помощи свыше вряд ли сумели бы показать все свои душевные качества страждущим в заточении. Как бы странно это ни звучало, но главная опека обеих исходила, с одной стороны от главы Польского государства, а с другой – от не менее значимой фигуры в СССР. И тот, и другой относились к этим женщинам с трепетным вниманием. Почему? Да потому, наверное, что в силу определённых обстоятельств – пусть косвенно, пусть по долгу службы – были сами виновны в тысячах загубленных жизней. А вот в этих, опосредованных случаях, могли хоть как-то очистить свои души от налипшей на них пагубы... Не углубляясь в дальнейшие рассуждения, вспомним вместе с читателями непреложную истину о том, что «дорога в ад выстлана благими намерениями.»

Во всяком случае, этот наш подзаголовок «ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ДЬЯВОЛОМ?» и знак вопроса оставляют читателям и автору возможность поразмыслить, был ли в своё время ВЧК «топором государства», как его называло большинство представителей белой эмиграции? И не нужен ли подобный топор России сегодня, которую без всякой жалости разворовывают нынешние нувориши, эти Ваньки – Каины, то и дело ныряющие за рубеж во избежание суда на родине, их взрастившей? У этих никогда благих намерений не было...

ИСПЫТАНИЕ СИБИРЬЮ

Что касается Пилсудского, то он был человеком образованным, учил-

ся в одной и той же гимназии с Дзержинским, прошёл в юности те же «университеты», что и железный Феликс. Старший брат Пилсудского, между прочим, должен был разделить судьбу старшего брата Ленина. И только в последнюю минуту казнь за покушение на царубийство была заменена на сибирскую ссылку. Побывал в той же ссылке – на севере Енисейского края и младший брат – Юзеф Пилсудский. Будущему властителю Польши минуло тогда 18 лет. Но чемодан с динамитом, который он доставил на квартиру заговорщиков, ему не простили.

Даже сейчас, по истечении стольких лет, диву даёшься, кого только ни побывало в этих сибирских ссылках! Ещё до декабристов в Забайкалье был сослан любимец Петра, прадед Пушкина – Ганнибал. Окончил свою жизнь в Берёзове Меншиков с семьёй, сосланный Петром II. Сидели в этих «тёмных краях» картографы, учёные, политики артисты, писатели... Да и пришлого народа хватало, неучтённого. Эти засоряли Сибирь нещадно!.. Но мы опять ступили в сторону. Пора возвращаться!

Дзержинский о бывших революционерах, которые в юности потрясали бомбами, говорил так: «Эти социалисты красного толка с возрастом быстро теряют свою боевую окраску»...

Вот и в одном из разговоров со Стефанией Семполовской он произнёс: «Редиски!»

– Что такое «редиска», – поинтересовалась она.

– Жодкевка, – хмыкнул Дзержинский.

– А-а! Ред-иска... Заимствованно у англичан: «Ред» – красный.

– Если говорить о корке, то так. А внутри – белая.

– Я, наверное, по-вашему, тоже редиска, как и пани Пешкова, так?

– Вы обе – особый сорт! Вас не угрызёшь!

– Это так! – засмеялась Семполовская...

А мы, поскольку у нас с читателем под рукой машина времени, немного

сдадим назад... Специально оборудованный вагон со знаком Красного Креста готовился для пути в Сибирь. Всё здесь было продумано до мелочей, даже душевая для персонала имела. Отдельные шкафы – ячейки со списком на дверцах – кому, что, сколько. Одним заключённым, судя по их письмам, требовались лекарства, другим одежда и обувь, третьим – книги. Некоторые просили о юридической помощи. Всей хозяйственной частью – вплоть до пробивания пайков для персонала на отдельных станциях, руководил наш старый знакомый – тот дюжий молодец, который так и не овладел пишущей машинкой в приёмной ВЧК. Зато он, Фёдор Нечипоренко, лихо играл на балалайке.

Уже на третьи сутки, за Уралом, Пешкова убедилась в многочисленных талантах нового сотрудника: он успел и свежим хлебом разжиться, и всех стрелочниц на запасных путях перещупать. Главное же, что удивляло Екатерину Павловну, молодёжь к нему сама липла как мёдом намазанная, стоило ему только достать свою балалайку... Вот и в этот раз, в Омске, под хохот невесть откуда возникших девчат, Фёдор своим зычным голосом уже выводит:

Я вчера в Сибирь прибыл,
Сибирячку полюбил –
За её передний профиль
И горячий задний тыл.

– Хам ты, Федька, и неуч: «передний профиль!» – Выговаривала ему Пешкова.

– Так частушка же! В ей всё в жилу!

– Кроме «заднего тыла!» – Не может сдержат улыбки Пешкова. – Учти, завтра нам в тюрьму, приготовь ватники для шести человек, лекарства и по три рубля каждому. Им это будет, как ты говоришь – «в жилу»!..

Здесь требуется небольшое пояснение. Речь идёт о рублях инвалютных. На эти деньги можно было почти месяц прожить. Фунт коровьего масла стоил в магазинах Торгсина

(торговля с иностранцами) раз в 25 – 30 дешевле, чем на рынке. Это было большим подспорьем для политических заключённых, особенно ссыльных... Годы спустя, крестьянский поэт Николай Клюев, находившийся на поселении в Томске, благодарил в письме Пешкову за такую помощь: «Я не бедствовал целый месяц! – сообщал он ей радостно, – огромное вам спасибо!»...

Через руки Екатерины Павловны Пешковой прошло свыше 14 тысяч писем с подобными просьбами, в том числе и от иностранных граждан, томлящихся в тюрьмах России. Это – за период с 1921 по 1937 годы... А что она могла дать им взамен? Только тепло и доброту своего сердца: помочь одеждой, едой, юридическим советом, организовать поиск бесследно пропавших, передать слезную просьбу в государственную организацию (если она дойдёт до такого же доброго сердца, что случалось далеко не всегда).

Что могла большего сделать эта правозащитница, смело торившая свой нелёгкий путь в новой, вздыбленной стране, в окружении людей, редко благожелательных, а иногда просто враждебно относящихся к её деятельности?

...В Чите на крышах уже стаял снег. Просели двухметровые сугробы. По-весеннему тёплый ветер гнал вдоль Кенонской впадины через весь город колючий песок. Наняв извозчика у гостиницы с многозначительным названием «СЕЛЕКТ», Пешкова с адвокатом Винавером и с Фёдором отправилась в местную тюрьму. Там должны были сидеть два поляка, укравшие год назад в привокзальном буфете творожные лепёшки. Здесь их готовят по-бурятски, высушивая до твёрдости сухаря... Эти бедолаги позарились на них с голоду и, вместо того, чтобы следовать со своим эшелонем на родину, оказались в тюрьме. «Чёрт нас попутал!» – писали они Пешковой.

Надо было проверить, так ли всё было на самом деле и, если возмож-

но, отправить их в Варшаву... В кабинете начальника тюрьмы стоял густой запах кислого перегара. Сам начальник, обросший многодневной щетиной дядя, без кителя, но в полосатой тельняшке, грузно восседал за столом. Не встав при появлении гостей, он силился прочесть удостоверение, протянутое ему Пешковой. Чувствовалось, что он видит перед собой только крупную фигуру Фёдора.

– Ну и чо, паря, тебе надо?

– Вы хотя бы встали, перед вами женщина! – строго заметил Винавер.

– Ах ты, гнида столичная! – взревел тот, выпучив осоловелые глаза, и двинулся на Винавера, нашаривая в кармане пистолет... Дальше всё происходило как в немом кино. Фёдор тычком ноги в грудь опрокинул «тельняшку». В руках у Фёдора появился наган: «Встань, полундра, и слушай! Перед тобой сотрудник центрального аппарата!»

Екатерина Павловна впервые попала в подобный переплёт. Она не помнила всего того, что творилось дальше. Фёдор звонил куда-то по телефону. Вскоре в кабинете появился, представившись гостям, местный уполномоченный ВЧК по Забайкалью... А выходили они из тюрьмы уже впятером – с двумя поляками. Как оказалось, они не были толком даже зарегистрированы в этом заведении. Но сидели! И могли бы сидеть в нём, как говорится, до морковкина заговенья... Фёдор громко возмущался в вагоне: «У них что? У них закон – тайга, прокурор – медведь?». Винавер пытался убедить Фёдора, что такие порядки – по всей стране, как только чуть отъедешь от Москвы. Фёдор с этим никак не мог согласиться, а к вечеру напился. Екатерина Павловна молча покачивая головой, сказав Винаверу: «Это кризис доверия. А мудрость – дело наживное. Он парень надёжный!»

Несмотря на некоторую помощь ВЧК, а потом и ГПУ, во главе которых стояли Держинский, Менжинский и Уншлихт, поляки по национальности, благоволившие к Пешковой, 25 августа

та 1922 года специальной комиссии ГПУ пришлось вынести постановление о прекращении деятельности ПКК. Взамен этого, правда, вскоре появилась ПОМПОЛИТ (помощь политическим заключённым).

Почему произошла эта своеобразная поправка в аббревиатуре организации? Случилось это, как позже выяснилось, не без участия прежних знакомых и дальних родственников Троцкого, окопавшихся в московском, чешском, польском и шведском банках, которые сумели донести до кремлёвского правительства слухи о больших суммах, которые проходят через Красный Крест для выкупа и обмена отдельных категорий заключённых и дальнейшей их отправки через Польшу в землю Ханаанскую.

– Еврей, не еврей, а из России бегут скорей! – докладывал Сталин Ленину в Горках.

– Лучше бы их в концлагерях держать, а денежки за выкуп в пользу государства изъять. Поставьте в известность Троцкого. Только аккуратно! Это и в его интересах, – резюмировал Ленин.

Но аккуратно, скорей всего, у Сталина не получилось, да и не любил он что-либо кому-то аккуратно докладывать. А выводы из этой истории Троцкий «со товарищи» сделал крутые: организацию прикрыли. Ну, а в дальнейшем, с помощью международного Красного Креста, поменяв вывеску, вновь открыли, ... Правда, у Дзержинского вскоре после этого начались трения с председателем Госбанка Ароном Шейнманом, который не торопился кредитовать развитие тяжёлой промышленности и, главное, тормозил снижение розничных цен в стране. Результатом этого и стало письмо Дзержинского, адресованное Председателю Совнаркома и Совету Труда и Оборона Алексею Рыкову, в котором он писал, что такой «политики правительства» он не разделяет... Но мы опять убыстрили шаг, вернёмся назад.

Итак, ПОМПОЛИТ. Почётным председателем, как и прежде, здесь

состояла Вера Фигнер – потомственная дворянка, бывшая террористка, член Исполнительного комитета той самой «Народной воли», которая открыла в Российской империи охоту на самодержцев. Фигнер в свои семьдесят лет выглядела женщиной суровой. Отсидевшая 22 года в царском каземате, она, по её словам, отшагала от стены до стены в одиночке расстояние, равное земному экватору. Так что здесь, в этой правозащитной организации, она не являлась просто «свадебным генералом»... Удивительно, конечно, но подобную ситуацию можно было создать только в Москве! А в провинции сразу бы «под микитки» – и в психушку, хоть их и в столице хватало.

В 1938 году «ПОМПОЛИТ» навсегда прекратил своё существование – с помощью власти, разумеется. Сталин о деятельности Пешковой говорил без экивоков: «Чем бы не тешилась, лишь бы не вешалась!»... К 1926 году он уже стал пробовать крепость своих мускулов на рычагах государственного управления... За полтора года до своей кончины «Фэликс», в поддержку «Ёсифа» против Троцкого, привёл в сталинские ряды 25 тысяч чекистов. Это в значительной степени определило победу Сталина, как он говорил, над неуживчивым Львом сионским.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Можно по-разному ныне относиться к деятельности Дзержинского на всех постах, им занимаемых, потому что он и на этих всех постах был в одном лице. Борьба с беспризорностью – его безусловная победа. А вот борьбу с новой чиновной Россией он не сумел довести до конца: инфаркт! Но он вёл этот поединок до последнего вздоха. Не так уж случайно, за несколько дней до своей трагической смерти, он писал Рыкову: «...если не найдём правильной линии в управлении страной и хозяйством – оппозиция наша будет расти, и тогда страна найдёт своего диктатора – похорон-

щика революции, – какие бы красивые перья ни были на его костюме»...

А на пленуме ЦК и ЦКК он произнёс свои посмертные слова: «...если вы посмотрите... на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас!»...

Давайте, вдумаемся: все до одного слова – это калька с дня сегодняшнего! Как говорил Юлиан Семёнов, в жизни любой страны может наступить такой момент, когда настанет необходимость кого-то «назначать в Дзержинские»... Правда, с трудом можно представить себе зеркальное отражение этого «назначенца», да ещё в глазах толпы. Тем не менее, сам Дзержинский ясно представлял себе это, когда писал своей старшей сестре Адьдоне Булгак, потрясённой «кровавой» репутацией любимого брата: «Я остался таким же, как и был», хотя для многих – и я это понимаю, «нет имени страшнее моего»...

Автор этого очерка не пытался очернить, обелить, или переосмыслить неоднозначную роль Дзержинского в то далёкое от нас время. Да и присутствует в этом очерке он только благодаря деятельности Екатерины Павловны Пешковой, торившей в Советской России свой трудный путь правозащитницы. И большевики вынуждены были считаться с нею, потому что в её адрес обращались такие власти дум, как Вересаев, Короленко, Кропоткин, Чуковский, Зощенко, Сологуб, Маршак, Нестеров, Станиславский и многие другие.

Екатерина Павловна Пешкова скончалась в 1965 году... Она всегда оставалась, не смотря на все перипетии, венчанной супругой и другом Алексея Максимовича Горького. Мы знаем, что вернувшись однажды из поездки по новостройкам страны, вынужденный говорить только «о громаде наших планов», он рассказывал ей, что его, бывшего босняка, не обманули своим видом те, кто непосредственно

широкозахватной лопатой воплощал эти планы в жизнь.

– Всё вижу, а молчу как собака! – плакал он у неё за столом.

Она это сама понимала и молча глотала слёзы...

«Колдунья эстрады»

«Жизнь коротка, искусство вечно»
(Гиппократ)

...Родилась она в тихое мартовское утро. День был ясный, тёплый. Пригорки вокруг деревни освободились от снега и уже не курились весенним паром в этот самый первый мартовский день 1871 года.

Много позже, через 30 лет, к ней после концерта постучится в гримёрную человек: он покажется ей огромным со своими пушистыми, лихо закрученными усами. Двоих служителей театра, пытавшихся преградить ему путь, он отодвинет без всяких усилий в разные стороны как шашки на клеточной доске.

– Так вот ты какая, Анастасия Новоявленная! – пробасит он, оглядывая певицу.

Она его сразу узнает: Поддубный, русский силач! Афиши с его фотографиями часто встречались ей в разных городах. – Почему новоявленная? – спросит она его.

– Так твоё же имя – Воскрешая! Ты как из пены морской в своих нарядах выплываешь на сцену.

– Спасибо, Иван... как Вас по отчеству?

– Иваном зови, мы с тобой одногодки...

Выходя от неё, он скажет толпившимся у входа газетчикам: «Вся Россия должна помнить и знать Вяльцеву, Шалапина, Горького и меня, Поддубного!»

И ведь не лукавил всемирно известный борец, так оно и было на самом деле. На пьесы Чехова ходили, но не

тысячами же! Тиражи книг известных авторов зачастую не превышали и пятисот экземпляров. А вот в цирк на Поддубного, на концерты Вяльцевой валили тысячами! И далеко не каждый мог попасть на эти всегда праздничные действия... Но мы несколько поторопились, пора возвращаться к истокам.

Анастасия Дмитриевна Вяльцева, одна из самых известных российских певиц века минувшего, родилась в средней полосе, на Брянщине, в деревне Алтухово (в ту пору – Орловская губерния). Отсюда была и её мать, Мария Тихоновна. Отец, вернее, отчим – Дмитрий Вяльцев, за которого граф Орловский выдал Марию Тихоновну с двумя детьми, Настей и Ананием, только числился в графе «Родители». Недалеко от Алтухово, в Трубчевске, были лесные дачи и графское имение. Лесник, принявший на себя чужие грехи, вскоре погиб, его придавило упавшее дерево. Но родился от него третий ребёнок, которого назвали Яковом. И пришлось вдове с тремя детьми возвращаться в Алтухово. Жили у стариков-родителей Марии Тихоновны, которая устроилась в имение прачкой...

Порассуждаем немного. Все биографы Анастасии Вяльцевой, словно сговорившись, легко отправляют юную Настю в чужую семью работницей, повзрослевшую – в Киев, а позже – в Москву и в Санкт-Петербург. Автору не хочется вслед за ними повторять отдельные небылицы. Но вопросы-то остаются!.. Как, например, Мария Тихоновна, первая красавица на селе, сумела родить в безбрачии двоих детей? Да ей бы в то время прохода не дали, тем более, в деревне!

Скорее всего, дети были нажиты по любви и от одного и того же отца. Кем он был – графом, одним из его родственников, или управителем имения? С другой стороны, почему сам граф принимает живейшее участие в дальнейшей судьбе Марии Тихоновны, в устройстве её личной жизни с детьми? А если – не граф, то кто же? Кто «этот» помогает семье перебраться в Киев?

Анастасия Вяльцева

Здесь Мария Тихоновна (не обошлось, наверное, без рекомендательного письма) устраивается в обеспеченную семью прислугой и т. д.

Читаешь биографию певицы, всё как-то легко Вяльцевой даётся, даже плавание (!?) на плоту в Киев по Десне. Этот извилистый приток Днепра не менее коварен, чем сам Днепр, который, как известно, «чуден при тихой погоде». В описании же пятилетнего Анания, брата певицы (сама она воспоминаний не оставила), это спокойное плавание на нескольких сколоченных брёвнах вызывало чуть ли не пасторальное восхищение зелёными берегами, ночными стоянками у костра, рыбалками и прочим. Плот словно в сказке скользил по водной глади до самого Киева. А это ни много, ни мало – почти 750 вёрст! ...

Ну, ладно: в плавание можно поверить. Оно состоялось. Но... только до Десны. Деньги Марии Тихоновне на пароход до Киева, конечно, были даны. Но она, вероятно, часть из них отложила, мало ли что предстояло на новом месте? И решила до Десны (единственная пристань была в Трубчевске) плыть на плоту. От Алтухово,

где проживала семья, до пристани по притоку реки Навля со всеми изгибами около 90 вёрст. (Очерки о Брянщине. 1958 г.)

Наверное, именно этим путём, по тихой протоке, добиралась Мария Тихоновна с детьми до Трубчевска. Тут были и зелёные берега, и ночёвка у костра, и рыбалка...

Есть и другие нестыковки в ранней биографии и самой Анастасии. Но к чему лишняя придирчивость? Мы не раз убеждались с вами, дорогие читатели, что память – инструмент не очень точный. Всё же будем иметь в виду, что своего родного отца Настя знала! Она назвала его имя всего один только раз. Но биографы этого как бы не заметили.

В информационном «Вестнике Орловской губернии», хранящемся ныне в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге, чёрным по белому значится: «Вяльцева-Бискупская Анастасия Дмитриевна (Алексеевна)» ...

Признаться, мои поверхностные раскопки по поводу графов Орловских ничего не дали. А за более глубокие сейчас, увы, надо везде платить!.. Может быть, что-нибудь и всплывёт со временем.

Несмотря на будущую всероссийскую известность, Вяльцева часто отмалчивалась или, вернее, замалчивала отдельные факты своего происхождения: «...крестьянка я, и этим всё сказано! – улыбалась она газетчикам...

Но журналистам была известна её бесконечная жалость к незаконнорожденным детям. В её семье тоже жили воспитанники – мальчик и девочка. Она многих поддерживала материально. Вяльцева ежегодно давала концерты в пользу харьковского Ольгинского приюта и петербургского общества «Ясли». Позже такую же деятельность вёл и её брат Ананий в «Обществе попечения о бесприютных детях имени княжны Марии Николаевны». Известно, что за эту деятельность в 1915 году, когда сестры уже не было в

живых, он был удостоен звания «Почётный гражданин города Санкт-Петербурга»... Сама же Настя ранее, в 1907 году, была избрана почётным членом Всероссийского братского общества оказания помощи во всех несчастных случаях.

Вместе с Шаляпиным и другим известным певцом Собиновым она организовала своеобразный триумvirат для поддержания экспедиции Седова к Северному полюсу.

Не забывала она и свою малую родину, в Алтухово самостоятельно открыла приют для рожениц... Как видим, Анастасия Дмитриевна Вяльцева была сердобольным человеком, без лишней шумихи делала своё доброе дело. И за эту доброту, за её щедрое сердце, ей были благодарны сотни простых людей.

Принято считать, что патронаж, филантропия, благотворительность в те времена были уделом людей богатых, которые, идя на эти шаги, многого не теряли. Не хочется сравнивать русских меценатов, в том числе и Вяльцеву, сколотившую своё богатство на концертах, с сегодняшними, большей частью «фанерными» певцами и певичками, о которых днём и ночью талдычат все телеканалы уже более двадцати лет... Перед нами мельтешат одни и те же лица, груди, зады – не всегда теперь уже прикрытые. С помощью различных «примочек» (тут и корректировка тембра голоса, непопадания в ноты и даже в слова текста и многого другого) эти халтурщики всё ещё держатся на сцене, не на одном, так на другом канале, и поют – обрюзгшие, оплывшие! Поют на свои слова свои же «слоганки» типа: «Я перегрелась, я вишу на ситце неба – муха и никто пока!»...

Здесь так и напрашивается вопрос: а почему – «пока»? Неужели через секс к звёздам попасть проще, чем через тернии? Или сегодня откровенная пошлость, секс и извращения стали знаменем нашего времени? Но зададим и другой вопрос: А вы кому-нибудь помогли? Чьей бедой вы про-

никлись под шелест зелёных купюр?...

Во времена оны строго различали пристойную эротику, необходимую на эстраде, от откровенной порнографии, которая очень редко, но появлялась, особенно в кукольных балаганах. Но ничего подобного не было в исполнении Вяльцевой, Шаляпина, Собинова, Паниной, Плевацкой, Руслановой, Шульженко, Зыкиной, Баяновой и других. Причём, вся эта эстрадная элита умела помочь, поддержать, даже обустроить отдельных начинающих певцов... Но мы опять отвлеклись.

Итак, 1890 год. Анастасии 18 лет. Она уже побывала и горничной в отелях, и утюги в прачечной подавала глadyшницам (раньше их предварительно нагревали на раскалённой плите). Наконец, она поступает в хор киевского «Товарищества опереточных артистов». Здесь она впервые участвует в гастрольных поездках. К 20-ти годам она уже – «артистка на вторые роли». В начале 1894 года Анастасия вместе с театром приезжает в Москву на гастроль, которые проходили в саду «Эрмитаж» (район Каретного ряда).

Как говорится, всё было при ней – красота, звонкий голос (меццо-сопрано), умение держать себя на сцене, аристократические плавные руки. Порода в ней чувствовалась! Но эстрадной дивой ей ещё только предстояло стать. Для этого нужны были не только деньги, но и люди, занимавшиеся её продвижением... Меценат сам нашёл её. Это был богатый петербургский адвокат, меломан и бессменный руководитель артистического кружка. В его музыкальном салоне выступали часто заезжие знаменитости и молодые артисты, уже проявившие себя на русской сцене. Такое мог позволить себе не каждый представитель высшего света.

Преуспевающий петербургский адвокат Николай Иосифович Холева пришёл специально на музыкальный спектакль посмотреть на хористку, о которой уже говорили кругом. Ему тогда было за сорок, ей – двадцать два года... На деньги своего мецената

Анастасия стала брать уроки у лучших педагогов по вокалу, в том числе у председателя петербургского вокального общества, профессора Станислава Максимовича Сонки, выступавшего ранее на сценах Италии, Франции, Англии, Америки.

Это был педагог от Бога! Словом, молодой певице повезло. Она даже ездила на стажировку в Италию... Уже через год – полтора Анастасия Вяльцева стала появляться на сцене как исполнительница романсов.

«МОСКВА ПРИЗНАЁТ ТЕБЯ СВОЕЮ!»

«Ветер принёс издалёка звучные песни твои».

(А. Блок)

Известный литературный критик той поры Юрий Беляев вспоминал: «...помню первые шаги очередной “примадонны”, бурно рекламированной в столичной печати. Реклама – дело опасное. Это – обязательство, это – вексель на самый короткий срок, надо платить талантом. Иначе провал... И Вяльцева, чтобы не брюзжали наши газетные старики, платила по векселям исправно»...

Уже первый её приезд после учёбы из Италии в московский театр «Эрмитаж» ознаменовался десятками пышных корзин с цветами, а среди них выделялась своей огромностью одна из них, на широкой ленточной перевязи которой красовалась надпись: «Москва признаёт тебя своею!»... На этом концерте Вяльцева по три-четыре раза «на бис» повторяла романсы и отдельные опереточные арии. Из северной столицы вслед за нею пришло четверостишие, которое подхватила и артистическая Москва:

«От зависти сквозь пальцы вой,
Концертная певица!
В восторге вся от Вяльцевой
Российская столица!»

Программы концертов Анастасии

Вяльцевой регулярно «исправлялись» зрителями. После первого же романса начинался бурный диалог певицы с залом, в котором каждый желал быть услышанным. Свесившись с балкона, молодой человек кричал: «Не говори, чтоб я...!». Сидящая в первом ряду дама с жемчужным ожерельем на пышной груди чуть ли не рвалась к рампе: «Под чарующей лаской твоей!».. По другую сторону от этой дамы следующая настаивала: «Опьянела, опьянела!»... «Ветерочек!» – звенел девичий голос с балкона...

Однажды на концерте из ложи, почти нависшей над первым рядом, раздался оглушительный бас: «Тройку! Тройку!»... Вяльцева с готовностью кивнула и запела булаховскую «Тройку». Не успели утихнуть аплодисменты, тот же бас – «Тройку-у-у!». Певица, вздрогнув, начала другую: «Гайда, тройка! Снег пушистый...». Но неугомонный бас не успокаивался, пока его кто-то, сидящий в ложе, не одёрнул... Вскоре из ложи раздался храп. Смеялся весь зал, в том числе и Вяльцева... Побывав на одном из концертов дочери, увидев подобные картины, Мария Тихоновна высказалась так, как считала нужными: «Бог ей в помощь! Но здесь навести порядок может только конная полиция!»...

В один из самых первых своих сольных концертов в провинции, а Вяльцева всегда начинала своё выступление со второго отделения, ей предложили использовать местного зазывалу из цирка, поднаторевшего в конферансе. Вяльцева согласилась... И вот, открывая концерт, этот «юморист» решил повторить скабрзную шутку известных в то время цирковых клоунов Бима и Бома о том, что длинные волосы у женщин растут везде. Когда он дошёл в своём перечислении до живота, зал притих, а он, выдержав паузу, объявил: «Не беспокойтесь, храждане, дальше умолчу, потому что этот фараон меня сразу заарестует! – и показал на вставшего со стула ры-

жего детину в полицейской фуражке... С галёрки тут же восторженно заорали: «Так это же Зяма!.. Ха-ха!.. Зяма, мы тебя сразу узнали!.. Ты когда фараоном заделался?»

Конфуз был бы полный, но у рампы появилась Вяльцева и звонким голосом попросила обоих шутников выйти вон!.. Больше она никогда не прибежала к подобной помощи, приезжая на свои гастроли.

Но были и такие случаи. Приехали в Николаев-Херсонский. Концертмейстер вместе с антрепренером Львом Пальмским идут к полицмейстеру за разрешением на проведение концерта. Тот удивляется: «Да яка така Вяльцева? Я её не бачив... Шо, она лучшей Шаляпина? Ни, ни за шо не разрешу!»...

И приходилось «на лапу давать», и уламывать подобных дуболомов, в руках которых держалась вся разрешительная система империи.

Больше всего поразил Вяльцеву в её первый приезд Нижний Новгород. Маленький уютный театрик с большой хрустальной люстрой, стены обтянуты голубым бархатом. В партере 60 кресел, два яруса лож, в третьем галёрка, ещё выше – раёк... Купцы со своими чадами и домочадцами в огромных лисьих шубах, валенках с такими же огромными, похожими на корыто галошами, явились в театр чуть ли не за час до начала концерта. Они шли прямо в первый ряд, шубы подстилали под себя, галоши заталкивали под кресла. И тут же раскладывали свои съестные припасы и напитки... Билетёрши пытались, как могли, воспрепятствовать этому, да куда там! – «А чем занимать себя, если скучно станет?» – удивлялись эти «меломаны»...

Бывало, отдельные восторженные зрители прямо с балкона прыгали на сцену, пытаясь поцеловать певице руку. А на гастролях в городах Северного Кавказа благодарные жители в честь Вяльцевой устраивали пикники с пламенными речами, жарили на

вертеле целого барана, танцевали лезгинку, джигитовали верхом на лошадях... Необычной была встреча певицы и с жителями Новочеркаска – столицы области войска донского. Весь город – в казачьих фуражках и синих шароварах с красным лампасами, в пышных, накрахмаленных женских ситцевых платьях с кружевами. К местному театру не подступиться. И большие листовки в руках публики: «Да здравствует наша талантливая певица Анастасия Вяльцева!»

Здесь, в Новочеркасске, наверное, впервые родилась традиция с приставными стульями во время концертов. Позже приставные стулья стали неотъемлемым атрибутом везде, куда ни приезжала Вяльцева.

Ей, по сути, уже никаких афиш было не надо, на газетные статьи она перестала обращать внимание... Музыка, голос, сценические эффекты и одеяние певицы – вот её афиша!

«Дай, милый друг, на счастье руку,
Гитары звук разгонит скуку.
Забудь скорее горе злое,
И вновь забьётся ретивое!...»

Да, старое искусство гораздо меньше блефовало, чем нынешнее – и на театральной сцене, и на эстраде (а теперь и на экране). Вяльцева всегда соизмеряла свои внутренние порывы с жестом, внешне выраженным. Нюанс? Но в этом и заключалась её этичность, не позволяющая хулиганить перед зрителем – ни в звуках, ни в красках, ни в телодвижениях, ни в словах... Случайно ли один из критиков, надо сказать, довольно придиричивый ко многим эстрадным артистам, назвал концерты Вяльцевой «музыкальными лекциями по сравнительному амуроведению или любовипознанию»?.. Замысловато, правда, но это было сказано в иные времена.

И Вяльцева продолжала свою единственную тему в этих «лекциях»: она пела о радостях земных, унося слушателей в мир мчащихся троек и звенящих гитар.

Даже тогда, когда ей стали предлагать свои романсы популярные, известные поэты и композиторы (а предложений было неимоверно много), певица подвергала их сочинения проверке на прочность, строго пропуская их через своё жизненное кредо: в них не должны были звучать такие слова, как «смерть, разлука, горе, кручина»... Без этих слов она могла смело выходить к слушателям с обвораживающей улыбкой, и публика охотно шла в её расставленные сети, поддаваясь очарованию артистки... Она постоянно была безоговорочным кумиром с о ней публики, ею восхищались женщины, в неё везде влюблялись мужчины.

ВЕЧНЫЙ АНШЛАГ

«К тебе летят мои мечты!
(«Гимн любви». А. Чернявский,
композитор)

«К тебе я шлю все сердца ласки,
Все думы жгучие свои,
Перед тобой они без маски,
Они твои, они твои!»...

Кто знает, может быть, без своего постоянного аккомпаниатора Алексея Таскина, её одноклассника, родившегося и выросшего в Барнауле, в семье горного инженера, пришлось бы Вяльцевой идти более длинным путём. Таскин успел до неё поработать с Шаляпиным и Собиновым. Он аккомпанировал и заезжим в Россию знаменитостям Баттистини и Кавальери. Но всё же главной вехой в его жизни была и осталась Вяльцева... Газеты писали: «При внешней виртуозности аккомпанемент Таскина составлял единую музыкально-драматическую интерпретацию песни или романса, ощущение цельного замысла, полностью оказываясь в мелодике Вяльцевой»... Про Таскина и Вяльцеву российская пресса за период с 1902 по 1913 годы на все лады повторяла одно и то же: «ВЕЧНЫЙ АНШЛАГ!».

Магия Анастасии Вяльцевой на своё окружение была настолько велика, что тот же Алексей Таскин только в 1922 году, через восемь лет после безвременной кончины певицы заявлял, что он «окончательно оправился, освободился от преследующего его все эти годы магнетизма Вяльцевой»... После этого Таскин сумел дать путеводную звезду на эстраду Марине Нижальской и Изабелле Юрьевой. Последняя неутешно плакала, узнав о его кончине в блокадном Ленинграде.

А сама Изабелла Даниловна Юрьева сумела прожить как бы две жизни – за Алексея Таскина и за Анастасию Вяльцеву: она умерла на 101 году.

... Но мы ещё ничего не сказали о композиторе, который посвятил Вяльцевой добрую половину своих романсов. Это был Николай Zubov, имя которого сейчас почти забыто. Он был на четыре года старше певицы и влюбился в неё сразу же, бесповоротно! И посвятил ей свой первый романс – «Под чарующей лаской твоею», где словами А.Маттизена признался:

«Чар твоих мне не сбросить оковы,
Я во власти твоей красоты...»

Вся дальнейшая жизнь и творчество композитора под магией «несравненной» были подчинены захватывающему чувству, увы, неразделённой любви. А романсы его были хороши, многие из них – подлинные шедевры любовной лирики! Вот, например, всего один из них, который поют и сейчас:

«Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю,
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю...»

Николай Zubov пишет для «несравненной» один романс за другим – по одному в месяц! И в каждом из этих опусов – слова признания, ожидания, томления...

Стройная, изящная, с пышной короной золотистых волос, с нервно дро-

жащими ноздрями, магической улыбкой, Анастасия Вяльцева выходила на сцену и нравилась всем и сразу. Даже царская семья, присутствовавшая на одном из концертов Вяльцевой в Петербурге, отметила красоту и изящество её плавающих рук и врождённую породистость...

На этом концерте дам почти не было. В зале и вокруг на ярусах – сплошь гвардейские офицеры с золотом своих вышитых воротников, царских вензелей на погонах, сиянием наград и серебром аксельбантов. И каждому мнится, что поёт она только для него и только к нему плывут со сцены её изящные руки.

А она в этот вечер и на самом деле пела только для одного. Он сидел во втором ряду, высокий стройный конногвардеец с медальным лицом. Он был почти на семь лет моложе, и это был её «секретный жених» Василий Бискупский:

«Я тебя бесконечно люблю,
За тебя я отдам свою душу,
Целый мир за тебя погублю,
Все обеты и клятвы нарушу...
Я тебя бесконечно люблю
И, увы, разлюбить не сумею!»

В свете говорили, что Бискупский просил позволения у царя на венчание с Вяльцевой. Но гвардейскому офицеру запрещался брак с актрисами и певицами, поэтому просьба конногвардейца осталась без ответа. А Бискупский сам признавался друзьям, что он прикипел всей душой к Вяльцевой. Их можно было понять: они оба страдали от этой неопределённости в оформлении отношений... Как писала С. П. Кизимова в своей книге об Анастасии Вяльцевой, «в звуках её песен всегда был слышен крик чьей-то страдающей души...». Вот и один из романсов Николая Zubова, обращённый к Анастасии, прямо говорил об этом:

«Но если Вы не в состоянии
Любовь свою мне подарить,
То хоть имейте сострадание
Одну лишь правду мне открыть.»

Я преклонюсь пред Вашей волей,
Смиренно выслушав отказ
И, примирившись с горькой долей,
Всё ж... Всё ж обожать я буду Вас!..»

Нет, конечно же, Анастасия Вяльцева не была женщиной – vamp. «Имя её, – как говорили в один голос её биографы, – ещё при жизни стало синонимом редкого благородства, душевного внимания к людям... Просто сердце её было отдано другому.»

Её блистательная красота продолжала тревожить многих. Вот и современники в едином порыве признавались: «... в Вяльцевой было что-то зовущее, колдовское, тревожащее...». Да что там современники! Пройдёт тридцать с лишним лет после её безвременной кончины. Один ленинградский поэт и художник напишет единственный в своей жизни роман «Зелёные берега», в котором признается в искренней любви к несравненной Насте – героине романа Анастасии Вяльцевой... Он соберёт почти все прижизненные фотографии её, а одну, где она изображена в профиль, с копной золотистых волос на палевом фоне, слегка размытым у носа и губ, не давал трогать никому. Виктор Алексеев, вздыхая, говорил иногда друзьям: «Настя когда-нибудь меня утянет...». Что ж, и утянула! В его-то 54 года...

Вероятно, в великих осуществившихся жизнях мы бессознательно ищем и находим иногда нечто особое, очень личное. И эти движения таинств души напоминают по существу своеобразное перетекание родственных по духу флюидов от одного существа к другому. Как в сообщающихся сосудах!.. Вот такая метафизика получается...

А на восточных границах империи начиналась русско-японская война. Бискупский, гвардейский офицер, оказался в центре этих событий и вскоре был тяжело ранен. Анастасия Вяльцева рвалась к любимому. Её поначалу не пустили. Тогда она приобрела для полевого госпиталя вагон медикамен-

*Анастасия Вяльцева
и Алексей Таскин*

тов и в качестве сопровождающей отправилась в Маньчжурию. Здесь, ухаживая за любимым и другими ранеными, она ещё умудрилась в Харбине и в Гунжалине дать благотворительные концерты в пользу семей убитых солдат.

Василий Бискупский медленно поправлялся. Любящие сняли домик в Харбине. Когда Бискупский встал на ноги, Настя дала здесь ещё два благотворительных концерта – один в конференц-зале железной дороги, другой в офицерском собрании.

По свидетельству Кизимовой (другие сведения не совсем точны или требуют дополнительной проверки), после того как подполковник Бискупский окончательно поправился, он решением офицерского суда был отчислен из армии... Да, романы с артистками обществом поощрялись, браки же – никогда!

Поэтому, Василию Бискупскому, сыну предводителя дворянства и вице-губернатора старинного сибирского города, пришлось расстаться с золо-

тыми царскими вензелями на погонах и стать в скором будущем устроителем гастролей и комендантом вагона, специально заказанного Вяльцевой в Лейпциге для своих гастролей.

Вяльцева, как пишет Кизимова, страдала от пристрастия мужа к горячительным напиткам и постоянно оплачивала его карточные долги... Столь «праведный гнев» по отношению к Бискупскому всё же стоит несколько убавить (простим жгучую неприязнь некоторых женщин к вину и картам!)

У автора этих строк есть и другие свидетельства о деятельности Бискупского в те годы. Свидетельства сотканы из двух статей польской жёлтой прессы образца 1946 года. Вряд ли подобные газетёнки уделили бы в то время хотя бы десять строк этому персонажу, если бы Бискупский не принадлежал к старинному польскому роду. Чего тут больше – правды или вымысла, судить сейчас трудно. Но поверим хотя бы в треть того, что в них сообщалось: дыма без огня не бывает! Тем более, что речь идёт здесь не только о Бискупском, но и о нашей героине, прогоревшей по вине мужа в одном сомнительном предприятии.

Бискупский, между прочим, вернувшийся во время гражданской войны в армию, вместе с Врангелем, в звании генерала, покинул Россию и умер в 1945 году в Лейпциге... А тот, прежний его уход из армии, ознаменовался тогда громким скандалом и дуэлью с одним сослуживцем, которому Бискупский отстрелил мочку правого уха. Оба дуэлянта, распрощавшись с военной службой, вскоре помирились. Более того, они сумели организовать на Дальнем Востоке нечто вроде концессии на паях по разведке и добыче нефти. Часть денег в это предприятие вложила и Анастасия Вяльцева. Неудачливые концессионеры, правда, быстро прогорели... Ну, а дальше всё было так, как пишет Кизимова...

Говорят, статистка знает всё. До-

сужие знатоки той поры подсчитали: всего за пять лет, начиная с 1908 года, длина гастрольных маршрутов Вяльцевой составила 175 тысяч вёрст – как раз половина расстояния от Земли до Луны. Вёрсты «поглощались» в основном, с помощью того самого вагона, который был отделан по вкусу певицы, где мажордомом на колёсах был её муж.

... В искусстве, особенно на эстраде, принципиально нового до сих пор ничего не придумали. Меняются эпохи, растут цены на билеты, устраиваются подставные концерты с неряшливо загримированными под знаменитость исполнителями. А в наши дни и петь не совсем уж так обязательно: открывай рот, как это умудряется делать с недавних пор Волочкова, «фанера» от изумления всё равно не рассохнетя!..

Почти всё это было и во времена Вяльцевой – вплоть до пиратских записей. Ей по этому поводу приходилось даже судиться. Но цену себе она знала! В Петербурге, скажем так, певица ежегодно давала три сольных концерта в зале Благородного собрания. Прибыль составляла до 20 тысяч рублей за вечер. Для сравнения: среднемесячная зарплата учителя гимназии была всего 35 рублей... А граммпластинка с записью певицы стоила в продаже до 6 рублей. Подсчитано, что Вяльцева оставила после себя около 100 записей.

Александр Блок, прослушав однажды в своём Шахматово пластинку с записью Анастасии Вяльцевой, долго стоял у открытого в сад окна. Склонив ухо к граммофонной трубе, он словно ожидал, что она донесёт до него волшебное дыхание певицы. Потом поэт присядет у ночного окна и:

«В том краю тишина бездыханна.
Только в гуще сплетённых ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей»...

Специалисты того времени видели загадку популярности Анастасии

Вяльцевой в общей болезненно нервозной, напряжённой атмосфере начала XX века. А вот философски настроенные критики сопрягали успех «несравненной» с появлением нового класса – русской буржуазии, приемлющей раскрепощённое искусство:

«Не уходи. Побудь со мною.
Я так давно тебя люблю!»

Как отмечал тот же Блок в своём дневнике: «Вся Россия – от великокняжеских дворцов до мещанских местечек – увлечена грамзаписями Вяльцевой...».

Наверное, в музыке, особенно в песне, скрыто нечто такое, несущее своеобразное метафизическое содержание, которого нет, пожалуй, ни в каком другом источнике информации. Музыка, как и песня – форма познания себя, окружающих. Всего!

Поэтому так понятна абсолютность порывов на своих концертах Анастасии Вяльцевой. Она даже вставала на стул и продолжала петь, если её вдруг окружала толпа зрителей, рвущихся к сцене. Она, наверное, интуитивно понимала в эти минуты, что голос её должен звучать – НАД, а не в толпе.

В наши дни такая абсолютность порывов, может быть и смешна, потому ещё смешна, что по большому счёту завоёвывать на свою сторону некого. Сейчас на эстраде (экране) царствуют эротика и секс. Соответственно этому ведут себя и исполнители: «на всех каналах “наша раша” нам демонстрирует, кто краше и откровеннее раздет». Они, исполнители, стали доступней... И этим всё сказано.

В свои 35 Анастасия такая же стройная, как и в 18, оставалась для зрителей по-прежнему величественной и недостижимой. За год-полтора до кончины она вдруг занялась оккультизмом, нумерологией, составлением гороскопов. Словно предчувствуя что-то почти неотвратимое, она уверовала во власть рокового числа, стала собирать

только ей ведомые даты, события, явления, отмеченные годом своего рождения. Эта тайная система чисел была понятна только ей. На вопросы мужа она коротко отвечала: «Кому карты, а мне – счастливые номера!».

... Они только что вернулись от матери мужа. Отец был похоронен несколько лет назад. А мать Бискупского, урождённая Римская-Корсакова, сама пианистка, сказала, прощаясь с Анастасией: «Береги себя и свой голос, доченька, он у тебя от Бога и один на целое столетие!» Елена Васильевна осенила их, обоих, крестом уже на выходе, в проёме дверей, и долго глядела в окно на снежную колею, заметаемую ветром... В следующий раз она была только на похоронах «несравненной».

Надо отметить, что мистические увлечения были в то время в большой моде... Вот и у Вяльцевой записи в отдельной тетрадке: «Алексей Саврасов – “Грачи прилетели”... Василий Перов – “Охотники на привале”... Иван Айвазовский – “Восход солнца”»...

Пришлось рыться в справочниках (сведения в Интернете всё равно приходится перепроверять из-за встречающихся расхождений со специальной литературой). Всё оказалось, как и предполагал: картины написаны художниками в год рождения Вяльцевой. Но как сопоставить эти числа (или число) с какой-то определённой метой, отправной точкой в применении к певице?... Известно, что теософы в мистическом том времени, да и не только теософы, были озабочены трансформацией человека прежде всего на уровне ментальном, называя грядущее Эрой Чистого Духа... Об этом в своём «Пятикнижии» много писали Рерихи, а ещё больше – Блаватская.

Но автор повествования не думает, что Анастасия Вяльцева зашла так далеко в подобных психологических экспериментах над собою, тем более, при таком напряжённом графике рабо-

ты. Это – и 80-90 концертов в год, плюс переезды из города в город (к примеру, одна поездка в Сибирь и концерты в 11 городах отняли у неё целый месяц!). А ежедневный певческий тренинг под руководством такого же неутомимого Алексея Таскина – пусть даже в личном салон-вагоне!.. Нет, где уж тут всецело отвлекаться на что-то другое?

Будем считать, что эти побочные занятия были для Вяльцевой своеобразной игрой воображения, театром одного актёра, в котором она играла все роли, оставаясь наедине с собою...

«Ты не спрашивай, не пытайся,
От меня не узнаешь ни слова,
Не просишь тебе, что в душе моей.
И не спрашивай, не пытайся...»

А в обществе её осуждают: неужели нельзя было проявить больше тепла к её постоянному автору романсов Николаю Зубову? Он, отринутый певицею, бросил работу, уехал из Петербурга и... пропал. Поговаривали позже, что он даже руки на себя наложил.

В других салонах, более радикально настроенных ко всему новому, пеняют певице за её роскошные наряды... А тут ещё этот пресловутый вагон (как у императрицы!). Достаётся ей и за высокие гонорары, и за недвижимость, которую она приобретает... И ни слова о той помощи, которую певица несёт к неимущим и незаконно-рожденным...

Что ж, на то оно и общество, чтобы искать соринки в чужом глазу! А Анастасия Вяльцева – знай, поёт своё:

«Ах, да пускай свет осуждает,
Ну, да пускай клянёт молва...
Кто раз любил, тот понимает,
И не осудит никогда!».

Именно в тот последний год, накануне трёхсотлетия дома Романовых, когда она не смогла довести до конца свой концерт в Воронеже (это было ранней осенью 1912 года) и упала на сцене в обмороке, известный театральный критик скажет:

«В отличие от других немеркнущих звёзд русской сцены, в Вяльцевой появилось за последнее время что-то трагически безысходное!».

... Она уже знала, что умирает. Врачи определили: лейкомия – рак крови! Не смогли помочь ей ни иностранные знаменитости, ни модный в те времена Бадмаев со своей нетрадиционной медициной и травами, практикующий в Петербурге. Не смогло помочь и переливание крови, где донором был муж Василий Бискупский... В то время медицина ещё не знала, не определилась с термином – “группа крови”.

Незадолго до смерти, в январе 1913 года, Анастасия Дмитриевна Вяльцева составила завещание. Она дарит Петербургу два собственных дома с прилегающими к ним земельными наделами. В одном из этих домов она просила открыть женскую больницу с отделением для рожениц, в другом – организовать приют для детей, которых оставили родители. Часть других средств через душеприказчика (брат Ананий) передать петербургскому университету, на учреждение стипендии имени Вяльцевой для детей, выходцев из крестьян.

Во втором пункте завещания говорилось о том, что после кончины певицы следует провести аукцион и продать всё движимое и недвижимое имущество: её экипажи, бриллианты, дорогие туалеты, меха, серебро и картины. Часть из этих денег она завещала матери и двум братьям, но большую – на обустройство больницы и приюта...

В порядке отступления: “Ау, где вы, современные нувориши от эстрады в мужских и женских обличиях, изрядно надоевшие нам со своими экранными откровениями, ведущие себя как пауки в стеклянной банке? Ау-у!”...

Возвращаясь к началу прошлого века, скажем, что в наших бесчисленных российских учреждениях, банках, фондах, коммерческих организациях воровали и тогда, воруют и сейчас... Усилиями отечественных бюрократов

фантастическое на ту пору богатство Анастасии Вяльцевой было превращено в ничто... Каким-то образом даже роскошный салон-вагон артистки оказался в 1917 году почему-то в Казани. В период чехословацкого мятежа им завладели союзники России по Антанте и позже передали его Колчаку... А ещё позже в том вагоне, превратив его в свой штаб, раскатывал по Дальнему Востоку красный маршал Блюхер...

Последнее своё распоряжение Анастасия Дмитриевна Вяльцева отдала за два дня до кончины. Она пожелала, чтобы её уход выглядел так же красиво, какой была её жизнь на сцене. Её хоронили в роскошном платье белозеро-розового сочетания... Толпа в 160 тысяч человек прошла двухкилометровый путь, запрудив весь главный проспект столицы до кладбища Александровской лавры... В тот же год умерла и её мать. Обе они захоронены в белокаменном склепе с золотистой башней...

Здесь напрашивалась, было, точка. Но разве подобный материал просто так отпустит автора от себя? Некоторые читатели могут спросить: а причём здесь сибирские этюды? Но ведь часть жизни Анастасии Вяльцевой осталась в Сибири!.. Здесь и русско-

японская война и сама Вяльцева в этой войне. И её концертные поездки по Сибири. И специальный концерт, данный в Барнауле, где родился и вырос её постоянный аккомпаниатор Алексей Таскин. А концерт в Томске, где служил вице-губернатором отец её мужа?... Согласимся, что всё это не такие уж случайные привязки к сибирской почве.

А напоследок эти этюды сами постучались к автору. Когда материал был уже готов, довелось узнать, что племянник Вяльцевой – Дмитрий, сын брата её Анания, был чемпионом Ленинграда по боксу и обвинён в 1941 году за то, что собирался якобы бежать в Германию к своему дяде, Василию Бискупскому, ярому врагу советской власти. После изнурительных допросов 27-летнего Дмитрия Вяльцева отправили этапом в Новосибирск.

Расстрельный список местной «вездесущей конторы» длинный, в нём десятки тысяч фамилий...

А Анастасия Вяльцева... Нет, прошлое от нас, если мы им дорожим, никуда не уходит. Бережно хранимый, доставшийся от деда чёрный диск в 33 оборота с записью её романсов, по-прежнему иногда отправляет меня в серебро века минувшего, в котором блистала «НЕСРАВНЕННАЯ».
